

— Позови Чжоу Пина.

Вскоре Чжоу Пин вошел.

Му Цинфэн сказал:

— Лично отправляйся в Тайный совет и сообщи министру Цзо, чтобы он временно отложил доклад главы префектуры Шоинь. Через несколько дней я сам разберусь.

В нашем государстве Тайный совет занимался сортировкой местных докладов, распределяя их по соответствующим министерствам, которые затем решали, как поступить: самостоятельно или передать на рассмотрение императору.

Гу Шаобай немного успокоился, но все же волновался:

— Ваше высочество, свидетель уже мертв, и других доказательств нет. Нельзя же на этом основании обвинять моего брата и держать его в тюрьме... Они ведь не станут его пытаться?

Он вдруг заметил, что Му Цинфэн смотрит вниз. Следуя его взгляду, он увидел, что обе его руки крепко сжимают руку Му Цинфэна, лежащую на столе, почти до крови.

Смущенно он отпустил руку и выпрямился.

Му Цинфэн не рассердился, наоборот, он был даже немного рад. Он мягко сказал:

— Не стоит слишком волноваться. Насколько я знаю, глава префектуры Шоинь Цзинь Юэхэ — честный чиновник. Свидетель умер, и он, возможно, просто не смог разобраться в ситуации, поэтому и отправил доклад в столицу.

Он взял руку Гу Шаобая и вложил в нее чашку чая:

— Я как раз собираюсь отправиться в Шоуцюань, чтобы найти следы грабежа. Если мы что-то найдем, твой брат сможет доказать свою невиновность.

Гу Шаобай уже поднес чашку к губам, но, услышав это, тут же поставил ее и вскочил:

— Ваше высочество, я хочу поехать с вами!

Му Цинфэн улыбнулся:

— Тебе лучше не ехать, путь опасен...

«Я держу тебя на кончике сердца, желая лишь твоего счастья и покоя, и жду того дня!»

«Ты посмотри: ты не веришь, что этот князь будет любить только одного всю жизнь, а он непременно покажет тебе это!»

— Тебе стоит сходить в храм Шанцин и помолиться, чтобы узнать, какого бога ты обидел, — с нагловатой ухмылкой произнес Цзи Цзяньчэнь.

Он развалился на шелковом диване. Яблоко в его руках брызгало соком, но даже такой небрежный способ есть не портил его привлекательности.

Гу Шаобай бросил на него взгляд и промолчал. Этот тип, после того как был отвергнут в

переулке, не появлялся больше десяти дней. Но его наглость имела свои плюсы: он либо действительно не понимал, либо делал вид, что ничего не произошло, и вел себя как ни в чем не бывало.

Гу Шаобай снова и снова обдумывал ситуацию и решил, что должен поехать с Му Цинфэном.

Сейчас в семье Гу происходили неприятности, отец и второй брат отсутствовали, а с Гу Синьбаем случилась такая беда. Он даже не сообщил об этом Гу Кансюаню. Этот третий дядя был человеком с кашей в голове. Если бы он узнал, что с Гу Синьбаем что-то случилось, первым делом сообщил бы отцу и второму дяде, а затем устроил бы переполох во всем доме.

Если бы это стало известно, даже если Гу Синьбая освободили, репутация семьи Гу в Цзинлине была бы разрушена. Это было бы равносильно убийству его отца.

Фан Цинчи бросил Цзи Цзяньчэню взгляд, чтобы тот помолчал.

Цзи Цзяньчэнь закатил глаза. На самом деле, он тоже переживал за Гу Шаобая, но не умел выразить это, поэтому его слова часто звучали противоположно тому, что он хотел сказать.

Фан Цинчи похлопал Гу Шаобая по плечу:

— Шаобай, чем я могу помочь? Может, я отправлюсь в тюрьму в Шоине и вытащу твоего брата?

— Нет, — поспешно ответил Гу Шаобай. — Мой брат не пойдет с тобой, он упрямый... К тому же, если он сбежит, это будет равносильно признанию вины. Князь И уже пообещал помочь, я верю ему...

Цзи Цзяньчэнь с пренебрежением скривил губы:

— Ну, он просто хочет воспользоваться случаем, чтобы подлизаться. То, что он может...

Он проглотил слова «я тоже могу», потому что на самом деле не мог.

Но Цзи Цзяньчэнь чувствовал себя растерянным. Почему каждый раз, когда он слышал имя «Му Цинфэн», ему становилось не по себе? Он всегда был открытым в своих чувствах, когда же он стал таким мелочным?

Ночью десяток лошадей подлетели к городским воротам. Охранники скрестили копья и громко крикнули:

— Кто идет?

Один из всадников достал из кармана табличку Министерства юстиции и показал ее:

— Министерство юстиции, расследование. Быстро открывайте ворота!

Главный охранник осмотрел людей в униформе Министерства юстиции, внимательно проверил таблички и махнул рукой:

— Открывайте ворота.

Стук копыт стих, оставив за собой облако пыли. Через несколько мгновений всадники исчезли в ночной тьме.

— Господин, кто эти люди? Выглядят как злобные духи, — спросил молодой солдат.

Охранник важно ответил:

— Вы не знаете, но зерно для армии снова было ограблено. Император лично назначил министра юстиции расследовать это дело. Эти люди, вероятно, и занимаются этим...

— Ваше высочество, ваш план просто гениален. Выдать нас за людей Министерства юстиции, чтобы остаться незамеченными и застать врага врасплох, — Лэн Дун, вероятно, был взволнован ветром, и впервые похвалил Му Цинфэна.

Му Цинфэн не ответил, ударил кнутом и пришпорил лошадь. Ветер развевал его длинные волосы, делая его похожим на стрелу, летящую вперед с холодным блеском.

Министр юстиции Лю Цзыцзин был учителем третьего принца. Этот учитель отдавал все силы своему ученику, готовый умереть за него. Император доверял ему, поэтому назначил его открытым лицом расследования, а Му Цинфэна — скрытым, чтобы они работали вместе.

Впереди показалась небольшая роща, очертания которой выделялись в лунном свете.

Еще издавек Му Цинфэн заметил белый силуэт у обочины дороги. Лунный свет был ярким, и чем ближе он подъезжал, тем яснее видел, что это был человек...

Это был знакомый человек!

Му Цинфэн резко натянул поводья, и его черный конь встал на дыбы, но затем спокойно опустился на землю, почти не подняв пыли. Действительно, отличный конь!

Он соскочил с лошади и холодно посмотрел на человека в белом:

— Я же говорил тебе не ехать. Почему ты не слушаешься?

Хотя слова были строгими, в его голосе не было гнева, только мягкое упреkanie.

Гу Шаобай не ожидал, что ночной ветер в конце осени будет таким холодным. Дрожа от холода, он уже превратился в замерзшего перепела.

Его губы, онемевшие от холода, с трудом выдавили слова:

— Я... волнуюсь... за брата...

Лунный свет, как бы ни был ярким, не мог осветить его посиневшие губы. Му Цинфэн заметил, что он с трудом говорит, и понял, в чем дело. Увидев его в тонкой белой куртке и с маленьким узлом, без плаща, он не мог не улыбнуться. Не говоря больше ни слова, он поднял Гу Шаобая на лошадь, сам сел сзади, взял поводья, и черный конь рванул вперед.

Гу Шаобай, сидя перед ним, был плотно завернут в плащ. Через некоторое время он начал согреваться.

Рот и нос были прикрыты черной тканью, вероятно, чтобы он не наглотался холодного воздуха. Спина прижималась к груди Му Цинфэна, и он даже чувствовал, как сильно бьется его сердце. Оно было необычайно сильным и теплым.

Незаметно его собственное сердце начало биться в унисон.

— Долго ждал?

Теплое дыхание коснулось его уха, и Гу Шаобай почувствовал легкий зуд в ушной раковине, отчего сердце как будто пропустило удар.

Он тихо крикнул, не зная, донеслось ли это до ушей человека сзади.

Через некоторое время, не услышав продолжения, Гу Шаобай решил, что его звук не был услышан.

Он снял ткань с лица, повернул голову, чтобы сказать что-то более четко, но, повернувшись, неожиданно оказался в довольно амбициозном положении, когда его щека коснулась губ Му Цинфэна.

Щека была холодной, а губы — горячими, как будто лед и пламя сплелись, создавая искушающий цветок!

Ночь скрыла покрасневшее лицо Гу Шаобая и нежность в глазах Му Цинфэна. Легкое, едва уловимое чувство, словно паутина, незаметно связало их сердца.

Му Цинфэн одной рукой держал поводья, а другой обнимал Гу Шаобая за талию, тихо спросив:

— Как ты узнал, что я отправляюсь сегодня ночью?

Гу Шаобай ответил:

— Я не знал. Я ждал с обеда. Эта дорога — единственный путь, и ты обязательно должен был проехать здесь.

<http://bllate.org/book/16730/1538956>